

УДК 81'233

М. ЦВЕТАЕВА: ЗНАКИ АВТОРСТВА

О.В. Четверикова

Армавирская государственная педагогическая академия,
Армавир

В статье рассматриваются знаки авторства как константные, повторяющиеся из текста в текст формально-содержательные и собственно языковые средства объективации художественной оригинальности творческой индивидуальности.

Ключевые слова: *художественная модель мира, художественное сознание, поэтический текст, знаки авторства.*

Специфика художественного познания реального мира характеризуется многообъектной направленностью при сохранении избирательности явлений и предметов, попадающих в фокус зрения художника, носит индивидуально-эмоционально-эстетический характер, определяется интуитивно-образно-ассоциативным способом отражения действительности, зависит от особенностей устройства смысловой сферы автора речи, в основе которой лежит система доминирующих установок, мотивов и ценностей, мировоззрение, жизненный опыт творческой личности, и объективируется вербально в процессе создания художественных текстов – вторичной, языковой действительности, в рамках которой осуществляется эмоциональное, информационно-смысловое, духовно-нравственное и эстетическое воздействие на адресата.

Обращение автора к определённым темам позволяет, с одной стороны, увидеть, к интерпретации каких культурных концептов обращено его творчество, а с другой – установить те актуальные смысловые образования личности, которые, регулируя акт художественной коммуникации в рамках заданного автором когнитивного образа ситуации, являются основой транслирования личностных авторских смыслов в непосредственно переживаемой словесно-образной форме.

В рамках эстетически направленного освоения действительности у творческой языковой личности формируется особый, опосредованный практикой художественно-речевой деятельности тип когнитивного, коммуникативного и языкового сознания – авторское художественное сознание (далее – АХС), в основе которого лежит эгоцентрический способ восприятия и образно-ассоциативный способ отражения действительности, эстетическое, субъектно-эмоциональное к ней отношение, формирующее оценки и мнения художника слова о мире, объективированные в тексте знаками языка. Интерпретационная модель «авторское художественное сознание» выстраивается на основе результатов

когнитивно-смыслового анализа совокупности произведений художника слова и позволяет объяснить наличие взаимосвязи между формально-содержательными, коммуникативными, эмотивными и семиотическими параметрами текста, ибо замысел автора, авторская модальность выступают основой структурирования текста и определяют выбор используемых в нём средств языка, что, в свою очередь, даёт представление об авторской концепции мира в единстве и целостности её художественного воплощения (см.: рис. 1).

Рис.1. Построение модели авторского художественного сознания

Исследуя поэтический текст (далее – ПТ) как художественную модель мира, как вторичную, языковую реальность, созданную творческим воображением автора, мы подошли к необходимости выявления и описания константных формально-содержательных и собственно языковых средств маркирования в нем авторского замысла, личностных смыслов, творческой оригинальности как способов реализации целостного эстетически значимого отношения автора к действительности – к описанию знаков авторства (см. подробно: [4; 5]), формирование

которых обусловлено национально-культурными приоритетами, психотипом личности, смысловой сферой художника, в основе которой лежит система доминирующих мотивов и ценностных ориентаций.

Структурно художественные модели мира организованы пересечением и взаимодействием психологической, эстетической, коммуникативной, тематической составляющих и понимаются как совокупность всех художественных образов (превращение материальной формы объективной реальности в идеальную форму содержания сознания. – О.Ч.) и мотивов (семантика мотива отражает мировоззрение лирического субъекта и фиксируется в структуре текста с помощью образа), присутствующих в произведении и означенных единицами языка, формирующими смысловое пространство произведения и обеспечивающими формирование собственной интерпретационной модели у читателя.

Следовательно, все языковые единицы текста адаптированы к потребностям коммуникации, особенно слово и его положение в поэтической строке, которое актуализируют в нём определённые семантические и коннотативные компоненты значения, отражая особенности осмысления говорящим конвенционального значения слова в аспекте личностно значимого. Однако важно учитывать то, «что лежит за словом (в широком смысле) для пользующегося им индивида» (см. подробно [2; 3]).

Единицы языка отражают в тексте не объекты или отношения между ними, а то, *как* эти объекты и отношения познаны и концептуализированы говорящим, так как именно личностные убеждения, знания, оценки обуславливают текстовые причинно-следственные связи между фрагментами изображаемой действительности. Происходит наложение на объективный мир авторских ценностных позиций, что обуславливает выбор и использование языковых единиц, обеспечивающих семантико-стилистическое обогащение композиционно-сюжетного строя текста, формирующих когнитивный словарь автора и служащих продвижению личностных смыслов. Смысл художественного текста как части художественной модели мира есть «целостный смысл, имеющий отношение к ценности» [1, с. 322]. Ценностная составляющая, таким образом, является интегрирующим началом, связывающим воедино концепты, смысловую сферу личности, АХС и систему знаков авторства.

В художественной речи слово приобретает свойства индивидуального информационного кода, ибо оно выбирается из системы языка не с целью объективировать некие референтные отношения, а для того, чтобы «вылепить» с его помощью образ, устанавливающий отношения предмета-названия с внутренним миром субъекта речи. Слово в ПТ «работает» на создание образа, связанного с ситуацией в целом (вербальная манифестация мыслей говорящего относительно данной ситуации), что

позволяет слову быть репрезентантом авторских когнитивных структур заданного типа.

В рамках статьи остановимся на рассмотрении некоторых знаков авторства М. Цветаевой. Отметим основные формально-смысловые структуры её поэтической модели мира и покажем, какие языковые средства «наполняют» их содержанием, смысловым значением. Поэзия М. Цветаевой – своеобразный сплав жизненных фактов и размышлений, возникающих как бы наедине с собой. Страсть к постижению, напряжённость эмоций и мыслей обуславливают структуру поэтического языка Цветаевой.

Форма поэтической модели – описание-рассуждение, диалог с адресатом, создающий впечатление происходящего «здесь» и «сейчас» разговора, объективирующий размышление *по поводу*, что обуславливает включение «боковых» тем и служит маркером внутритекстовых контактов автора (через создаваемый образ лирического героя. – Ч.О.), с одной стороны, с адресатом, известным субъекту речи, а с другой – с возможным читателем, который вовлекается в орбиту чувств и эмоций говорящего. В текстах М. Цветаевой – обилие обращений, авторских знаков препинания, эксплицирующих значимые в смысловом отношении лексемы и синтаксические конструкции; сравнений, когнитивно-функциональное назначение которых – выражать представление как особую категорию мышления; эпитетов, выступающих средством актуализации, ассоциативности и служащих объективации абстрактного через чувственное, наглядно-образное.

*Он тонок первой тонкостью ветвей.// Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
// Под крыльями раскинутых бровей - / Две бездны; В его лице я рыцарству
верна./Всем вам, кто жил и умирал без страху! – / Такие – в роковые времена – /
Слагают стансы – и идут на плаху («С.Э»);*

*К тебе, имеющему быть рожденным/ Столетие спустя, как отдышу, – /
Из самых недр, как на смерть осужденный,/ Своей рукой пишу... («Тебе –
через сто лет»).*

Соотношение жизненных ситуаций у М. Цветаевой особое: а) необходимость взять из «живого» факта всё возможное, дойти до сути; б) осмыслить основы бытия и осуществить самопознания души через видимый предметный мир; в) гиперболизация, базирующаяся на преувеличении как психологическом процессе наглядно-образного мышления, служит укрупнению главного в смысловом отношении, объективирует в речи отношение говорящего к предмету речи, силу его воздействия на эмоциональную сферу субъекта речи.

*Та гора была, как горб/ Атласа, титана стонущего; Та гора была – миры!//
Боги мстят своим подобиям.// Горе началось с горы.// Та гора на мне –
надгробием («Поэма горы»).*

Лейтмотивом поэзии М. Цветаевой становится фиксация дисгармонии, существующей в человеческой жизни, человеческих отношениях, мысль о смерти, которая уравнивает всех, о душе, устремлённой к высокому. Поэтический текст организован при помощи таких оппозиций, как мир распахнутой человеческой души и мир внешний, злой и несправедливый, что маркировано в текстах предикативными доминантами: *жить; избывать жизнь; жить без нег; жить тоской*; сопряжёнными предикатами: *заживо гнить меж тел, знать, любить, страдать, творить, гореть, песню дать*; интертекстуальными связями: *Птица Феникс, Агарь*. Архетип жизни в поэзии М. Цветаевой – временное существование как беспорядочное движение среди случайных, чужих людей и мучительное восхождение духа через самоожжение в творчестве. Собственное состояние лирической героини формируется предикатными знаками, маркирующими смыслы: «отличная от других», «нежелание смиряться», «чувство потери», «душевная усталость», «спасение в творчестве».

Умирая, не скажу: была.// И не жаль, и не ищу виновных.// Есть на свете поважней дела/ Страстных бурь и подвигов любовных («Умирая, не скажу: была»);

Когда же, Господин,/ На жизнь мою сойдёт/ Спокойствие седин,/ Спокойствие высот («Когда же, Господин»).

Хронотопическая структура авторского видения мира строится на совмещении деталей природно-предметного мира и зрения пространственно-перспективного (высота, будущее). Мотив высоты – главный символ преодоления героиней приземлённости жизни и «продолжения» себя после смерти (через Слово поэта. – О.Ч.), что маркируется номинативными доминантами «небо», «высь», «лестница», «заря», «солнце», «душа», «лётчица»; предикатами «лететь», «рвануться в небо», «сбыться» («душа сбылась»). Предикат «жить» соотнесён с предикатом «знать» и с номинацией «Дух» (*Знать: Дух – мой сподвижник, /и Дух – мой вожатый!*). Даже смерть для героини М. Цветаевой есть приобщение мысли к вселенскому разуму:

Из лука – выстрелом/ Ввысь! Не в царство душ – / В полное владычество/ Лба («Поэма воздуха»).

Идеологемы творчества М. Цветаевой – *разлука, гореть*, семантическое развертывание которых служит языковой объективации разных когнитивных структур АХС (см. рис. 2).

У М. Цветаевой жизнь, смерть, любовь, творчество взаимопроникаемы и определяются как условность; значимо только Слово, ибо творческому разуму приоткрывается смысл человеческого существования. Интертекст (библейские, античные образы) выступает в текстах М. Цветаевой в качестве маркера эмотивных доминант, служат средством выдвижения смыслов (см. пример ниже).

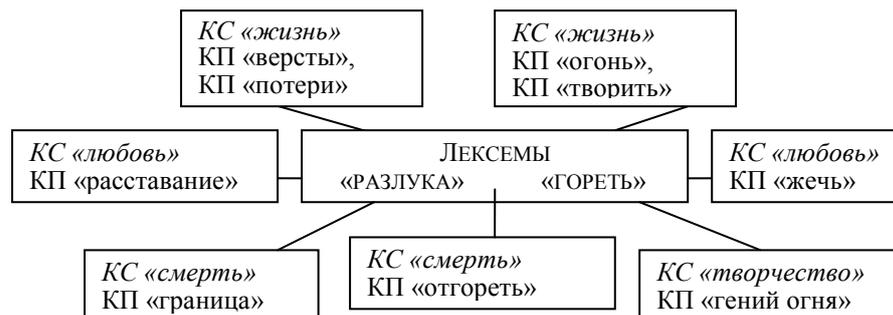

Рис. 2. Идеологемы творчества М.И. Цветаевой

*Твои знамена – не мои!// Врозь наши головы.// Не изменить в тисках Змеи/
Мне Духу – Голубю («Чужому»); Елена. Ахиллес. // Звук назови созвучней.//
Да, хаосу вразрез/ Построен на созвучьях/ Мир и, разъединён,/ Мстит (на
согласьях строен!),/ Неверностями жён/ Мстит – и горящей Тройей!
(«Двое»).*

Поэтика М. Цветаевой характеризуется двумя чётко выраженными особенностями: параллелизм (повтор) и контраст. Слово у поэта экспрессивно и воплощает в себе акт познания, а контраст выступает в качестве основы повествования, отражая специфику субъективного восприятия мира. Этимологизированный корневой повтор, синкретичность и антонимичность – средство познания и художественного моделирования мира. Повтор связан у М. Цветаевой с установлением суперструктурных корреляций между повторяемыми ситуациями, которые могут иметь либо перспективный, либо ретроспективный характер; повтор тесно связан со смыслом, ибо «кружение» вокруг одной мысли и составляет концептуальный смысл произведения.

*Это и много и мало.// Это и просто и тёмно.// Та, что была вероломной,
За вечер – верная стала; Бренные губы и бренные руки/ Слепо разрушили
вечность мою.// С вечной душою своею в разлуке – / Бренные губы и руки
пою («Комедьянт»).*

В этот процесс включается и семантизация звуков. Знаками авторства М. Цветаевой являются анаграммирование, паронимическая аттракция. Взаимопроникновение сем далёких по смыслу слов на основе созвучий порождает коннотативное значение. Близкозвучные слова, семантически преобразуясь, усиливают друг друга, становясь звуковой метафорой. Слова как бы «перетекают» друг в друга, а иногда образуют контекстуальные антонимичные пары:

*Никто, в наших письмах роясь,/ Не понял до глубины,/Как мы вероломны,
то есть – / Как сами себе верны («Цыганская страсть разлуки»);*

*Я хранитель твоему добру:/ Возращу и возвращу сторицей// Я — деревня,
черная земля,/ Ты мне — луч и дождевая влага («Я странница твоему перу»);*

Не проломленное ребро - / Переломленное крыло.// Не расстрельщиками навьлет/ Грудь простреленная. Не вынуть/ Этой пули («Стихи к Блоку»).

Комбинация группы вербальных единиц, метр, ритм, фоника, объединяя и отдаляя, создают сигналы повышенного смыслового и эмоционального внимания. Например, по-иному ритмизированные или рифмизированные строки начинают осознаваться как значимые в смысловом отношении:

Ушёл – не ем:/ Пуст – хлеба вкус.// Всё – мел,/ За чем ни потянусь.// ...Мне хлебом был,/ И снегом был.// И снег не бел,/ И хлеб не мил («Ушёл – не ем»).

Текстовое значение слова в лирике М. Цветаевой становится более выпуклым благодаря приемам инверсии, дислокации, парцелляции, эллипсиса. Эллипс глагола – знак напряженности, динамизма; он поддерживает структурную схему предложения, выполняет акцентирующую функцию, выделяя коммуникативно значимое слово в высказывании.

В глаза – полыханье рассвета./ Ручонки, ручонки!// Напрасно зовете:/ Меж нами – струистая лестница Леты («Разлука»);

В головах – свечами смертными – / Спаржа толстоногая.// Полосатая десертная/ Скатерть вам – дорогою! («Стол»).

Значения символа у М. Цветаевой приобретают, например, флоризмы: верба (христианские мотивы); бузина (болезнь, страдание); фиалки (одиночество, ожидание встречи); рябина (символ не только родины, горечи жизненных невзгод, но и времени появления на свет будущего поэта).

Внутренняя раздвоенность, горечь потерь в смысловом пространстве цветаевских текстов находит языковую объективацию в синтаксических конструкциях оценочного характера, окказиональных словах: *факелы глаз, разъединяющие вёрсты, разлука – ремесло; мнимости, сребролетейский плеск, слепость, седость, горечь-горе, горечь-грусть, странно-непохож, рот-его-рана, облик невинно-розов, вольно-отпущенник*. Главная задача новообразований – привлечь внимание читателя к расшифровке значения, к его домысливанию.

Таким образом, в основе манипуляций со знаками языка лежат единые, типовые когнитивно-семиотические процессы, обусловленные спецификой отражения сознанием действительности, самого процесса когниции, когнитивной полифункциональностью языковых единиц.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1986. – 543 с.

2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику [Текст] : учебник. – 2-е изд., испр. и доп. / А.А. Залевская. – М.: Российск. Гос. гуманитар. Ун-т, 2007. – 560 с.
3. Залевская А.А. Единая информационная база человека (к уточнению понятия) [Текст] / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2009. – № 25. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 15–20.
4. Четверикова О.В. И.А. Бунин и Н.С.Гумилев: знаки авторства [Текст] / О.В. Четверикова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011. – № 28. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 141–157.
5. Четверикова О.В. Знаки авторства А.А. Ахматовой как основа конструирования её когниотипа [Текст] / О.В. Четверикова // Язык в меняющемся мире : межвуз. сб. ст. / под. ред. М.В. Сандаковой. – Киров : Изд-во Вятск. гос. гуманитар. ун-та, 2013. – С. 312–316.

M. TSVETAYEVA: THE SIGNS OF AUTHORSHIP

O.V. Chetverikova

Armavir State Pedagogical Academy, Armavir

In this article the author considers the signs of authorship as definite, repeating from text to text formal-compositional, psychological and linguistic means of marking author's individual senses and artistic originality of creative individuality.

Key words: art model of the world, artistic consciousness, poetic text, the signs of authorship.

Об авторе:

ЧЕТВЕРИКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Армавирской педагогической академии, e-mail: chetverikova_o@mail.ru